КЕЛСИ КОКС

ВЕЧЕРИНКА ЛЖЕЦОВ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 59

Kelsey Cox
PARTY OF LIARS
Copyright © Kelsey Cox Writer, Inc., 2025
All rights reserved

Перевод с английского Наталии Нестеровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Кокс К.

К 59 Вечеринка лжецов : роман / Келси Кокс ; пер. с англ. Н. Нестеровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-26719-0

День рождения Софи Мэтьюс обещает стать гвоздем сезона. Отец не пожалел денег, чтобы устроить роскошную вечеринку в честь шестнадцатилетия дочери в техасском особняке, который когда-то считался домом с привидениями. Теперь, после реставрации, его интерьер за стеклянной стеной открыт на всеобщее обозрение. Кукольный домик, только в натуральную величину... Среди гостей — лучшая подруга Софи, натура скрытная и, похоже, одержимая завистью; не слишком уверенная в себе молодая мачеха, получающая злобные анонимки; суеверная ирландская няня, которой чудятся крики банши; мать Софи, бывшая жена Мэтьюса, затаившая обиду. Как только героиня праздника задувает свечи на трехъярусном торте, раздается отчаянный вопль и жуткий звук удара. С высоты на каменные плиты танцпола падает человек. Он мертв. Несчастный случай или убийство? Гости растеряны. Покидать дом нельзя, и назревают мучительные вопросы: кто из них подозреваемый? Не сидит ли рядом убийца? И удастся ли выбраться отсюда живыми?..

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26719-0

Когда Смерть входит в дом, тень за ней тянется такая длинная, что, кажется, накрывает собой всех вокруг.

Фанни Лонгфелло. Из письма, написанного после смерти ее семнадцатимесячной дочери, 1848 год

ГЛАВА 1
ПОСЛЕ

Вечер праздника

Дом всегда принадлежал *Матери*.

В конце XIX века Вильгельм Фогель построил на вершине самого высокого утеса в округе Комал в штате Техас этот викторианский особняк в стиле королевы Анны. Вильгельм влюбился в юную Аду Мюллер, дебютантку, которая отвергала своих поклонников, отказываясь от безделушек, стихов и всевозможных попыток произвести на нее впечатление. Она мечтала о замке. Поэтому Вильгельм, искусный успешный бизнесмен и резчик по камню, отправился на парусном судне в Хилл-Кантри в Техасе, как и многие немецкие иммигранты до него. Там он купил землю и привез поездом из Нью-Йорка архитектора, который создал грандиозный проект, и стройка началась. Известняк добывали в тех краях. Витражи и деревянные изделия ручной работы привозили на кораблях из Европы. Наконец Вильгельм своими мозолистыми руками посадил у решетки в саду тюльпаны — любимые цветы Ады. Затем он послал за ней. Несколько месяцев спустя Ада приехала. Из своего экипажа она увидела на вершине утеса на фоне бескрайнего техасского неба асимметричный фасад здания с башенками, мансардными окнами и двухъярусной опоясывающей верандой. Аде дом понравился.

Фермеры, обосновавшиеся в тени дома, часто видели миссис Фогель, высокую и стройную, с бледной кожей и светлыми волосами. Она то расчесывала свои локоны у окна на втором этаже, то ухаживала за нежными желтыми, кремовыми и розовыми цветами, которые росли вокруг особняка, охраняя его покой. Позже они наблюдали, как она возит по саду детскую коляску или на закате стоит на балконе, подставляя лицо ветру.

Но потом Ада умерла. Вскоре после того, как завершилась постройка этого великолепного дома. И это уже отдельная история. «Просто упала», — повторяли люди. «Может, несчастный случай?» — спрашивали они. Некоторые удивлялись, возможно, даже перешептывались за закрытыми дверями, но в приличном обществе не позволяли себе усомниться, насколько уместно хоронить Аду в освященной земле.

Однако позже, когда Вильгельм уехал, окна заколотили, дом пришел в упадок, а у подножия утеса, словно дикая рожь, разросся город, вот тогда об этом месте стали рассказывать совсем другие истории.

Теперь в них говорилось, что в доме поселился призрак.

Больше ста лет дом оставался забытым и заброшенным. Пока однажды летним днем в 2010 году у него не появились новые владельцы, и с того момента жители города с нетерпением ждали, когда им удастся заглянуть внутрь.

Снизу они наблюдали за ходом ремонта. Сначала был тщательно восстановлен фасад: известковые кирпичи очистили, витражи заменили, затейливые резные карнизы починили и покрасили в яркие цвета сахарной сливы. В скале под домом вырыли подвал и винный погреб. Внутренние стены снесли, полы сня-

ли, потолки сделали высокими. Деревянную отделку, способную вызвать чувство клаустрофобии, убрали вместе со стегаными диванами на ножках в виде львиных лап и заплесневелыми викторианскими гобеленами. Теперь здесь все сияло яркой белизной итальянского мрамора Калакатта с золотистыми прожилками и похожими на мыльные пузыри плафонами современных люстр.

Весь город стал свидетелем перемен, но самое поразительное преображение случилось под конец, когда заднюю стену дома снесли, буквально срезали, и заменили сплошной от земли до крыши стеной из стекла, открывая на всеобщее обозрение интерьер дома. Стеклянным был даже балкон, который тянулся вдоль всей стены и нависал над панорамным бассейном тремя этажами ниже.

Особняк открылся, словно лишенный века глаз.

Настоящий кукольный домик, только в натуральную величину.

Сегодняшний праздник — нечто вроде официального представления дома публике. Железные ворота открыты. Двери не заперты. Всех наконец-то пригласили войти внутрь.

Дом напоминает разворошенный улей — гудит себе, гудит.

Все готово к празднованию шестнадцатилетия: привезли канапе, испекли трехъярусный торт, диджей превратил патио, выложенное плиткой из серо-голубого песчаника, в танцпол. Гости взяли напрокат смокинги, начистили до блеска ботинки и сапоги, начесали волосы, купили платья от «Бэджли Мишка» или «Холстон» в «Нордстроме» в торговом центре «Ла-Кантера».

К восьми вечера все стекаются в зал, чтобы спеть «Happy Birthday!» Свет гаснет. Шестнадцать свечей отражаются от черной стеклянной стены. Именинница загадывает желание, задувает свечи, и на мгновение все погружается во тьму. Люди смотрят на маленькие огоньки своих домов далеко внизу, город предстает перед ними точно таким же, каким его видит дом. И в эту минуту они ощущают себя частью этого дома. Но он им не принадлежит. Никому из них.

Это дом *Матери*.

Свет снова зажигается. Куски торта расхватывают. Вечером темные стекла, как зеркала, отражают гостей на празднике. Они больше не видят, что происходит снаружи.

Но слышат.

Крик. Он раздается, пока летит тело.

Затем... жуткий удар.

Эхо тех звуков, которые дом уже слышал когда-то.

ГЛАВА 2

ДО

Дэни

Вечер перед праздником

Шарлотта тихо вскрикивает. Даже на крик не похоже, но я прекрасно знаю, что это такое: предупреждение. Ей надоело сидеть в детском игровом центре. У меня... наверное, секунд сорок, пока она окончательно не выйдет из себя.

Весь день, в те маленькие промежутки времени, которые позволяет мне мой ребенок, я готовлю торт.

— Секундочку, солнышко!

Я заканчиваю выкладывать ряд ярко-розовых лепестков из масляного крема. Торт — просто буйство неоновых красок, но что поделаешь, стиль девяностых снова в моде. Конечно, мне нужно больше чем секунда. Хорошо бы меня несколько часов никто не отвлекал.

Шарлотта выгибается дугой и издает пронзительный вопль. И как раз в этот момент в кухню входит Итан.

Несколько месяцев назад он бы пошутил в духе: «Бедняжка! Тебя что, мама пытает?» Теперь ему не до шуток. Итан бросает свой портфель на кухонный остров и вызволяет Шарлотту из игрового центра. Крики прекращаются так же внезапно, как и начались.

— Где Орла? — спрашивает он, окидывая взглядом просторное помещение в поисках няни.

Кухня — настоящая мечта, лучше любого рекламного фото из «Бон аппетит». Помню, как я с восхищением разглядывала этот журнал, загибала уголки страниц, потом вырезала, чтобы прикрепить к своей карте желаний, которая висела в чулане моей квартиры. Двенадцатифутовые потолки, два кухонных острова, повсюду белый мрамор, бытовая техника «Гаггенау», холодильник «Саб-Зиро», изготовленная на заказ латунная фурнитура, чтобы полностью соответствовать эксклюзивным подвесным светильникам геометрической формы. Я должна быть без ума от счастья.

— Извини... — Я откладываю в сторону кондитерский мешок и вытираю руки о фартук. — Я попросила Орлу сложить постиранное белье. Честное слово, Шарлотта себя прекрасно чувствовала еще секунду на...

— Дэни, успокойся! Я знаю. — Итан сажает Шарлотту к себе на колени.

Она дергает его за воротник рубашки. Какой же он сексуальный! Он всегда так выглядит после долгого рабочего дня. Белая рубашка немного помята, две верхние пуговицы расстегнуты. Сразу вспоминаю, как в будни по вечерам мы сидели и пили в темном баре, как я придвигала к нему ноги, наши колени соприкасались, нас охватывало ненасытное желание. Такое чувство, словно это было в прошлой жизни.

— Как прошел сегодня день? — спрашивает он. — Торт выглядит обалденно!

Взяв кондитерский мешок, я выгибаю открытый кончик и начинаю равномерно выдавливать из него новый лепесток.

— Сессия с Кертисом прошла замечательно, — отвечаю я, понимая, что его интересует именно это; в последнее время наши разговоры напоминают игру в «Табу»: нельзя говорить то, что хочешь сказать на самом деле. — Кертис поддержал мое желание испечь

торт. Сказал, что мне нужно возвращаться к прежним занятиям.

Тут я немного слукавила. Кертис, как и остальные, хочет, чтобы я относилась ко всему спокойно, без фанатизма, но я так не могу, меня это сводит с ума.

Я украдкой наблюдаю за Итаном, хочу знать, поверил ли он в мою невинную ложь. Итан утверждает, что они с Кертисом не обсуждают мои сессии, но я не уверена. А что, если все обстоит наоборот? Нужно будет как-нибудь постоять, послушать, о чем они говорят. Все внимание Итана сосредоточено на Шарлотте, но он не желает раскрывать своих карт.

— Звонила мама, — говорю я.

Шарлотта с восхищением рассматривает пуговицу на манжете его рубашки.

— Правда? Как там Пэм?

У меня не было времени ответить на звонок. Честно говоря, он раздался в самый неподходящий момент. Я меняла подгузник Шарлотте. К тому же таймер духовки должен был отключиться через три минуты. Но поскольку все переживают за меня, я не могу позволить себе роскошь перевести звонок на голосовую почту.

— Ой, солнышко, совсем забыла сказать тебе вчера. Помнишь того броненосца, который все время выкапывал мои азалии? Так вот, Том наконец-то поймал его.

— Правда? А я думала, он по-прежнему выбирается изо всех ловушек, которые ты покупаешь.

Еще один раунд игры в «Табу». Маму совершенно не интересовала история с броненосцем, как, впрочем, и меня. Но мы вынуждены были притворяться, поскольку на самом деле маме хотелось выяснить, с какой интонацией я разговариваю, как звучит мой голос, услышать бормотание Шарлотты на заднем плане. Наконец раздался звонок таймера, я одной рукой уложила

извивающуюся Шарлотту в детское кресло-качалку, и мы перешли к действительно важной для нас теме.

— Солнышко, ты точно не хочешь, чтобы мы завтра приехали? Я могу собрать все необходимое в одну сумку, меня это не затруднит!

— Нет, мам, не надо. Все замечательно.

Точный перевод: «У меня все замечательно».

— Они поймали того броненосца, — говорю я Итану.

— Пэм, наверное, в восторге. — Он слегка щиплет мягкую голую ножку Шарлотты.

— Дай мне ее сюда. — Снова отложив кондитерский мешок, я беру дочку на руки.

Шарлотта откидывает назад голову. Тут же на ее лице появляется улыбка, теплая и заразительная, глаза превращаются в щелочки, щечки округляются и становятся румяными, как яблоки. Недавно у нее внизу прорезались два зубика, отчего все ее лицо изменилось, стало еще очаровательнее. Я беру со стола телефон, вытягиваю руку и прижимаюсь щекой к ее щеке. Мы обе улыбаемся для селфи на фоне торта.

А потом она своей пухлой ручкой проводит по глазури торта.

— Вот черт! — Я отдергиваю ее в сторону, но уже поздно.

Моя реакция пугает Шарлотту, она выпучивает глаза, ее губы начинают дрожать. Как будто размышляет, плакать ей или нет. Но уж если она заплачет, это будет настоящий рев.

— Все в порядке, все в порядке, — нараспев повторяю я и при этом укачиваю ее.

Таким образом я успокаиваю не только Шарлотту, но и себя. Теперь мне придется соскрести глазурь и переделать все заново. Нельзя давать волю раздражению, это только подтвердит уверенность Итана, что я взвалила на себя непосильную ношу.

Итан собирался купить торт. «У профессионального кондитера», — как он сам выразился. Мне хотелось на это ответить: «Но я тоже профессионал. По крайней мере, была им когда-то».

Вместо этого я сказала: «Я так соскучилась по выпечке».

Когда-то я пекла каждый день, по несколько раз в день. Еще до рождения ребенка, до встречи с Итаном, я могла целую неделю доводить до ума один-единственный рецепт. Например, манговый тарт с ванилью. Делала и переделывала его раз двадцать, пока не получался экземпляр, который не стыдно выложить в «Инстаграм»[1]. Песочный корж был тонким и хрустящим, крем таял во рту, а выложенные спиралью одинаковые по размеру кусочки спелого манго создавали розу.

Итан забирает у меня Шарлотту.

— Орла! — зовет он.

Орла появляется сразу. Словно все это время за дверью в кухню маячил ши[2]. Я никак не могу привыкнуть, что со мной в доме находится кто-то еще. Орла — ирландка, маленького роста, ей уже под семьдесят. Носит практичную стрижку и ортопедическую обувь. Она родилась в Ирландии, даже говорит с соответствующим акцентом. Иммигрировала недавно, после смерти мужа.

Женщина буквально одержима смертью, как это бывает иногда у пожилых людей. Все разговоры обязательно возвращаются к людям, которых она знала

[1] Социальная сеть *Instagram* («Инстаграм»). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* — запрещена на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

[2] *Ши* — в ирландском фольклоре потусторонний мир, населенный волшебными существами, обитающими в холмах; банши — женщины-феи из ши, духи, оплакивающие тех, кто скоро умрет. — *Здесь и далее примеч. перев.*

и которые умерли страшной, трагической смертью. «О нет, вы никогда не увидите, чтобы я пила эту диетическую газировку, — любит она говорить. — Там же это, как его... ну... то, что вызывает рак. Одна моя подруга Мэри О'Коннор пила диетическую газировку каждый день, и знаете, что с ней случилось? Опухоль мозга, вот что! Умирала она ужасно медленно. А ведь была такой круглолицей, просто красоткой. В молодости парни ей прохода не давали. А к концу жизни стала совсем на себя не похожа: щеки ввалились, глаза потухли».

А я как дура буду стоять перед открытым холодильником с банкой диетической колы в руке, словно предложила выпить ей стакан антифриза. Честное слово, Орла во всем видит смерть. С ней невозможно разговаривать.

И она всегда поблизости, сворачивает детские слюнявчики в соседней комнате, или собирает за диваном игрушки, или стоит рядом, пока я достаю крем от опрелостей. Словно мрачная жуткая тень.

— Знаю, ваш рабочий день уже заканчивается, — говорит мой муж, — но, перед тем как уйти, вы можете уложить Шарлотту спать?

— С удовольствием. — Орла забирает Шарлотту из его протянутых рук. — Как мило, — произносит она, глядя на торт.

Два нижних яруса уже готовы — я вручную украшала их разноцветной кондитерской посыпкой разной формы, помадкой всех цветов радуги, зефирными облаками и макарунами ярких неоновых оттенков.

Я ничего не отвечаю и сосредоточенно соскребаю глазурь с верхнего яруса, чтобы украсить его заново. Не хочу вести себя как стерва. Орла не виновата, что она мне не нравится. Честное слово!

Когда она уходит, Итан становится позади меня и массирует мне плечи. Я расслабляю их.

— Долго еще? — спрашивает он.

Всю ночь. Хочу, чтобы получилось идеально. Я сильно переживаю из-за завтрашнего празднования шестнадцатилетия Софи, дочери Итана от первого брака, а сосредоточившись на торте, я отвлекаюсь от своих переживаний. И терапевтический эффект намного лучше, чем от всех встреч с Кертисом.

— Осталось совсем чуть-чуть. — Я намазываю нижний слой ярко-зеленого сливочного крема.

Теперь его губы касаются моей шеи, дыхание теплое, щетина на подбородке добавляет легкие нотки грубости. Руки Итана скользят по моему телу, к талии, к бедрам... Он наклоняется ближе, прижимается к моей спине, и я понимаю, как сильно он мне нужен.

— А если я не смогу так долго ждать? — Его голос вырывается откуда-то из глубины его горла.

По коже бегают мурашки — это совершенно непроизвольная, инстинктивная реакция. Я кладу лопаточку на мраморную столешницу и поворачиваюсь к нему лицом. Когда я целую Итана, его язык проникает в мой рот. Мы вместе уже больше трех лет, но Итан по-прежнему целует меня так, будто в первый раз, будто ему отчаянно хочется распробовать меня на вкус, обладать мной. Это опьяняет. Я поддаюсь, и физические ощущения затмевают тревожные мысли. Прикосновения пальцев, запах его кожи... В эти мгновения плотского влечения я не столько думаю, сколько ощущаю, что все еще может прийти в норму.

Итан прижимается ко мне, мои бедра оказываются в ловушке между его телом и твердым мраморным столом.

— А вдруг Орла сейчас спустится? — спрашиваю я, тяжело дыша.

— Ну и пусть.

Его губы снова касаются моей шеи, зубы щекочут нежную кожу под подбородком. За его головой через открытую дверь кухни и зал я вижу лестничный пролет и то место, где начинается верхний этаж. Внезапно я представляю себе, что Орла сейчас не в детской, ее бесформенная фигура застыла на лестничной площадке, и она словно гаргулья, молча наблюдает за нами.

Мои руки скользят по его плечам, я осторожно отодвигаю его:

— Мне нужно закончить торт.

Итан издает разочарованный стон, затем целует меня в лоб и отстраняется:

— Давай выпьем сегодня у бассейна.

Он уходит в буфетную между кухней и столовой, где у нас небольшой бар. Буфетная примерно того же размера, что и кухня-столовая в моей прежней квартире, но обставлена гораздо красивее: раковина из кованой меди и зеркальный фартук за ней, в винном шкафу — всевозможные вина и коктейльные бокалы. Целая полка с виски и скотчем, а также текилой и крафтовой водкой «Тито», которую делают в Остине, всего в часе езды отсюда. В узком винном холодильнике со стеклянной дверцей хранится несколько бутылок, чтобы их можно было достать в любой момент, основная коллекция Итана находится внизу в винном погребе. Я слышу, как он достает стаканы:

— Погода идеальная.

Я поворачиваюсь и смотрю на стеклянную стену. От панорамы за ней у меня до сих пор захватывает дух. При виде этого глубокого, бескрайнего неба голова идет кругом. В сумерках воздух кажется серым и туго сбитым, как комки ворсинок, которые достаешь из сушильной машины, и таким плотным, что если приземлишься на него, то упадешь мягко. По шоссе внизу

змейкой движутся автомобили, а ранчо напоминают лоскутное одеяло. Весна только началась, и здесь, в Техасе, буйно цветут дикие травы, покрывая все вокруг разноцветными кляксами, желтыми всполохами, ярко-оранжевыми огнями кастиллеи и целыми полянами люпинов.

— Надеюсь, она не испортится, — отвечаю я. — Софи и ее друзья хотели завтра поплавать в бассейне.

Итан возвращается в кухню, держа в одной руке стакан с виски, в другой — телефон:

— Говорят, будет немного ветрено.

Я снова начинаю выкладывать ряд из ярко-розовых кремовых лепестков. Теперь получается гораздо быстрее.

— Кстати об Орле, — начинаю я, не глядя на него. — Ты и правда считаешь, что нам все еще нужна няня?

Не хочу видеть его лицо во время этого разговора. Теперь настал мой раунд игры в «Табу». Я мысленно готовлюсь услышать его ответ. На самом деле я пытаюсь его спросить: «Ты все еще не доверяешь мне?»

Его ответ удивляет меня.

— Похоже, тебе стало лучше.

Я поднимаю глаза. Он стоит, прислонившись к кухонному столу напротив меня и скрестив ноги, в руке блестит хрустальный стакан с янтарной жидкостью. На губах появляется легкая улыбка.

Мои плечи расслабляются, на этот раз напряжение действительно покидает меня. Его слова помогают мне обрести опору, они как свет в конце самого темного туннеля, из которого мне только приходилось выбираться.

Я улыбаюсь в ответ и приступаю к следующему ряду лепестков.

Но чувство облегчения быстро покидает меня.

Ведь он не знает всей правды.

ГЛАВА 3

Ким

Прислонившись к дверному косяку, я стою с бокалом вина и смотрю, как Софи примеряет платье для завтрашнего вечера. Неужели моей дочери скоро исполнится шестнадцать? Неужели я настолько постарела? Я глотаю еще немного вина. Карамелька, моя любимая черно-рыжая, черепахового окраса кошка с золотыми глазами, выписывает восьмерки вокруг моих лодыжек.

Так получилось, что у меня три кошки и две собаки, и никого из них я не заводила специально. Если друзья находят котят у мусорного бака или бродящую во время грозы бездомную псину, они знают, что я не устою перед симпатичной мордашкой (или одноглазой мордашкой, как мой серо-полосатый Грозный Глаз Грюм).

Месяц назад мы поехали с Софи по магазинам. Она перемерила платьев тридцать, пока не влюбилась без памяти в сверкающее нежно-голубое с открытыми плечами. Оно сильно выходило за рамки моего бюджета. Но мне трудно отказывать Софи. Когда воспитываешь ребенка после развода, приходится постоянно соревноваться с человеком, которого ненавидишь всем сердцем.

Впрочем, дополнительные расходы того стоили. У моей дочери все на лице написано. Жаль, что такие простые вещи, как платье, не могут сделать меня столь

же счастливой. Софи шестнадцать, у нее тонкая талия и длинные, как у меня, ноги. Платье со шнуровкой на спине обнажает мою дочь чуть больше, чем мне того хотелось бы. Но смотрится очень мило, как бальный наряд Золушки.

— Кто привезет Микаэлу?

Микаэла, самая давняя подруга Софи, живет в нашем старом районе. Они познакомились вскоре после нашего переезда и стали не разлей вода, как это бывает только у маленьких девочек. По традиции, они праздновали свои дни рождения с ночевкой, пиццей в постели и просмотром фильмов до глубокой ночи. Но теперь Итан, разумеется, решил закатить пафосную вечеринку, чтобы продемонстрировать, какой он замечательный папаша. К тому же это его шанс показать наш старый дом после ремонта. Не считая гостей Софи, он пригласил кучу своих друзей, соседей и коллег. Итан уверен, что им всем не терпится попасть к нему. Как это ни прискорбно, но он прав.

Я обрадовалась, что девочки все равно захотели переночевать у меня. Может, потому, что это позволяет мне почувствовать свое преимущество перед Итаном. Он отвечает за внешний антураж праздника, а вот душу вкладываю именно я. А может, я просто не готова к тому, что моя малышка стала взрослой.

В прошлом году Софи вошла в команду чирлидеров, и у нее в старшей школе появилось много новых подруг, которые мне не очень нравятся. Это девочки, чьи папаши работают в девелоперских компаниях, а мамаши организуют школьные клубы поддержки. Девочки, которые целуют другу друга в щеку и чуть ли не в открытую обмениваются двусмысленными комплиментами.

Микаэла — их полная противоположность. Рыжеволосая, с россыпью веснушек, и выглядит так, словно

только что приехала с фермы. На самом деле так оно и есть. Ее семья родом из старого Булверде. Они возделывали там землю и растили скот еще в те времена, когда это был большой сельский район рядом с Сан-Антонио, пока сам город не начал расползаться во все стороны, как чернильное пятно, его не застроили коттеджами, а с недавнего времени и неоправданно дорогими типовыми домами.

Я рада, что у Софи есть такая верная подруга. В своей жизни я много напортачила, но все-таки кое-что в воспитании дочери делала правильно.

Софи пожимает плечами:

— Может, Калеб.

Раз я сегодня не за рулем, можно сделать еще глоток вина.

— Какую выберем пиццу? Потоньше или потолще?

Софи морщится, словно я сказала что-то неприличное.

— Я поела немного овощей с хумусом. Микаэла пообедает с родителями.

Она поворачивается в сторону, смотрит в напольное зеркало и приглаживает руками несуществующий живот. Я ничего не говорю. Если она передумает, у меня на верхней полке буфета припрятан на всякий случай шоколад.

— Соф, ты выглядишь восхитительно, — говорю я.

В какой-то степени она по-прежнему похожа на ребенка и по сути еще ребенок. Пухлые щеки, нескладные длинные руки и ноги, которые, казалось, выросли за одну ночь. Но я уже вижу намеки на женственные округлости, как предупредительные знаки.

— Да? — спрашивает она. — Да, — повторяет Софи теперь уже как утверждение и поворачивается, чтобы взглянуть на себя сзади. — Да. Ладно. — Она примеряет другие туфельки.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КЕЛСИ КОКС

ВЕЧЕРИНКА ЛЖЕЦОВ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-35713-01-R